

Г.Г. Инфантова

**СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ
В СТИЛИСТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
М. ВЕЛЛЕРА
«ВСЁ О ЖИЗНИ»
И «СМЫСЛ ЖИЗНИ»)**

Статья посвящена изучению идиостиля М. Веллера. Объект анализа — книги «Все о жизни» и «Смысл жизни», а предмет — стилистические особенности этих произведений. Цель статьи заключается в том, чтобы на основании интегральных и дифференциальных стилевых доминант научного, научно-популярного и публицистического стилей определить стилистическую принадлежность изучаемых произведений и установить, какие стилистические тенденции в них реализуются. Основные результаты выполненного исследования состоят в том, что стиль анализируемых произведений синкретичен, а это свидетельствует о реализации тенденции к размыванию границ между функциональными стилями литературного языка, а также тенденции к размыванию границ между литературным языком в самых строгих его разновидностях и нелитературными компонентами общенародного языка.

Инфантова Галина Геннадьевна — докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики начального обучения факультета педагогики и методики начального образования Таганрогского госпед-института

© 2007 г. Г.Г. Инфантова

В 2006 г. была опубликована книга «Всё о жизни». Ее подзаголовок: «Всё о том, как устроена эта жизнь и этот мир, и почему ты чувствуешь то, что чувствуешь, хочешь то, что хочешь, делаешь то, что делаешь, и с тобой происходит именно то, что происходит». В аннотации сказано: «Эта книга прямо и внятно отвечает на вопросы, которые каждый задает себе с юности. Так что такое любовь? Почему человек так часто несчастлив? Чего ради мы страдаем? И в чем же, наконец, смысл жизни? Книга написана нормальным человеческим языком, каким говорят люди между собой, — и в то же время это первая в русской культуре цельная философская система». В 2007 г. вышла из печати книга «Смысл жизни» с подзаголовком «Решение вечных вопросов», в которой автор продолжает развивать свою философскую концепцию. Книги эти, как и все книги М. Веллера, в которых постепенно формировалась его теория и выработывался стиль, издавались и издаются огромными тиражами. Совершенно очевидно, что они представляют собой очень незаурядное явление, которое заслуживает осмысления с разных точек зрения, в том числе и с точки зрения прагматической лингвистики. Интересно выяснить, что, кроме оригинальной философской концепции, обеспечивает этим книгам такую большую популярность, в чем заключаются особенности идиостиля их автора.

Уже при первом знакомстве с этими книгами искушенный читатель, в частности лингвист, не может не обратить внимания на резкий контраст между сложным, серьезным содержанием и раскованной, на первый взгляд

простой, даже «простецкой» формой его изложения. И возникает вопрос, к какой функциональной разновидности литературного языка принадлежат эти произведения, в каком стиле они написаны, — в научном, публицистическом или научно-популярном. Ответ на этот вопрос на поверхности не лежит, ибо анализ этих произведений на основе системообразующих стилевых доминант позволяет обнаружить, что, находясь на перекрестке этих стилей, анализируемые произведения ни одному из них полностью не соответствуют.

У каждого из этих стилей довольно большой набор стилевых доминант, причем у разных исследователей эти наборы, парадигмы доминант, полностью не совпадают (ср., например: [Кожина, 1993; Солганик, 2006; Москвин, 2006]). Но во всех предлагаемых наборах среди стилевых доминант можно выделить доминанты интегральные, общие, и доминанты дифференцирующие, различающие эти стили.

Так, интегральными для этих стилей являются прежде всего такие их доминанты, как точность, логичность, связность, ясность изложения. Все эти доминанты в анализируемых произведениях реализованы очень последовательно, с использованием разных средств.

Точность и ясность изложения выражена, например, в использовании терминологии с ее разъяснениями: *Обитатели завоеванных провинций стали полноправными римлянами. Что это значит? Энтропию это означает, вот что. То самое равенство, когда между людьми и группами резко падает разница потенциалов* [Веллер, 2006, с. 272]; *Антропоцентризм — это полагать человечество пупом мироздания. Геоцентризм — полагать пупом мироздания Землю и ставить во главу угла рассмотрение ее процессов и «интересов»* [Веллер, 2006, с. 174]; *(Только не надо заменять понятие биполярности разговорным словом контрасты. Нет, это отнюдь не одно и то же. Биполярность — это два полюса системы, разность которых определяет ее энергетическую возможность. А контрастировать может хоть цвет мочи с белизной снега. Биполярность — это союз белого мужчины с черной женщиной. А контраст — это соседство белого мужчины с черным чемоданом)* (Веллер, 2006, с. 247). Толкования терминов не носят академического характера, как это принято в строгом научном стиле. Они обычно очень образны и рассчитаны на то, чтобы произвести на читателя большое впечатление, чтобы их было легче понять и запомнить. Такой же характер носит и собственное толкование автором общеизвестных понятий, на которых покоится его теория, например: *Разум — это такой механизм в мозгу, посредством которого человек может ощущать всего-всякого гораздо больше животного* (Веллер, 2006, с. 104). Иногда такие понятия разъясняются очень развернуто, толкование их дается в разных вариантах. Это касается, например, понятий *жизнь* (см. Веллер, 2006, с. 128–129; Веллер, 2007, с. 8), *смысл жизни* (Веллер, 2007, с. 6–17).

Большое внимание автор уделяет тому, чтобы изложение было логичным и связным.

Для анализируемых произведений типично, что ход логических рассуждений комментируется, например:

Первобытный человек кинул камень, убил птицу и съел. В чем действие?

Сначала — момент чувственный: ощутил голод, надо его утолить. Затем — умственный: увидел птицу, присмотрел подходящий камень, прикинул его вес, оценил расстояние, соразмерил силу броска. Хоп! — начался собственно поступок:

Первое. Совершена механическая работа: камень перемещен в пространстве.

Второе. Птица в своей жизни больше никакой механической работы не произведет — кончилась ее жизнь: летать не будет, зерен клевать не будет, пометом капать не будет.

Итак, окружающий мир претерпел чисто механическое изменение: камень лежит в другом месте, птица не летает.

Дальше (Веллер, 2006, с. 127).

Соблюдению логики изложения, его четкости очень способствует последовательное членение текста на главы, параграфы, подразделы, а также использование шрифтов для выделения однотипных компонентов излагаемого содержания, самого основного в нем, а также подведение итогов сказанного на промежуточных этапах рассматриваемой проблемы и/или на этапе заключительном.

Связность изложения осуществляется традиционными средствами — использованием местоимений, местоименных наречий, союзов, вводных слов, повторов и др. Но обращает на себя внимание такой нетрадиционный прием, выполняющий прагмалингвистическую функцию, когда тесно связанные между собой фрагменты текста даются в разных абзацах и даже в разных параграфах, чтобы привлечь к заключительному фрагменту особое внимание читателя, например:

В четырнадцать лет я попытался понять, отчего горит электрическая лампочка. Мне объяснили: — Разность потенциалов..., но следующая степень углубления в вопрос: а почему? почему разность потенциалов? где ответ на последнее «почему»? Нет ответа на последнее «почему»; а вот такой закон природы.

То есть: получается: любое наше знание работает по методу «черного ящика» — мы знаем, что если толкнуть в него вот так, то из него получится вот эдак... (Веллер, 2006, с. 23);

Сверхгигант не в силах сдвинуть собственную тяжесть.

Или. Время поездки равно расстоянию, поделенному на скорость... (Веллер, 2006, с. 156);

И вот что человек сделать уже не может. Вот до какого уровня дошла история жизни на Земле.

Но.

Но. Это все пока очень вряд ли (Веллер, 2006, с. 200);

Зато внизу совесть не позволяет подданным уклоняться от всяких тягот за счет других людей.

И. И. Совесть — это инстинктивное, подсознательное стремление поступать так, чтоб быть в равновесии с окружающими... (Веллер, 2006, с. 464).;

Строго говоря, профессиональный критик — это почти аутсайдер, не тянущий более значительной работы.

Но. Но. Первое. Критика — это власть (Веллер, 2006, с. 730);

Непонятно? То есть:

§ 1. Цивилизации возникали в разнородном, биполярном ландшафте... (Веллер, 2006, с. 245).

Рассмотренные признаки — точность, логичность, связность, ясность изложения, как уже отмечалось, являются доминантами научного, научно-популярного и публицистического стилей, т. е. являются для них признаками интегральными. Но в анализируемых произведениях М. Веллера есть особенности, которые в произведениях строгого научного стиля исключены и которые представляют собой признаки дифференцирующего характера. Это прежде всего просторечная лексика, жаргонизмы, вульгаризмы и диалектизмы, например: *Спекла пирог — нет больше яиц, муки, сметаны, сахара, превратились в пирог (Веллер, 2006, с. 158); В чем же, черт побери, ваш пресловутый прогресс?.. В том, что барахла больше, что ли? Делов-то!.. (Веллер, 2006, с. 261); А что вы скажете о человеке, которому обрыдла казарма, общага, кубрик, фирма, город... (Веллер, 2007, с. 378); Повязали чувака, а он в уважухе, пахан — крутой, спрашивает: хочешь тачку любую? (Веллер, 2007, с. 79); Шо мы имеем? (Веллер, 2006, с. 308); Так что же ты, — пахан в атасе, — тля, хочешь?! (Веллер, 2006, с. 409);...передо мной встает свирепый и жизнерадостный сержант, который вопит про наряды, сортиры, турник и километры гусиным шагом (Веллер, 2007, с. 380); Фиг ли крысе мода, орден, победа футбольной команды! (Веллер, 2006, с. 235); А все говорят: а, обойдется, мы здесь всегда жили, и ничо (Веллер, 2006, с. 208); На этих двух ногах мы с вами и чапаем по Познанию (Веллер, 2006, с. 213).*

Кроме того, в произведениях М. Веллера очень много самых разнообразных окказионализмов, которые подчас образуют целые серии. Так, например, в книге «Всё о жизни» использованы такие окказионализмы: *передельватель (335), понимаетель (223, 250, 657), ощущатель, думатель, делатель (238), потрясатель (288), насажатель (336), чувствователь (504); работащесть (273), страшность (443), меньшесть*

(652); *свалюбие* (423); *подырыг* (425); *депрессуха* (521); *подломку делать* (461); *орлы-авантюраги* (340) и др.

Все эти явления в той или иной степени используются в научно-популярном и в публицистическом стиле. Кроме того, в произведениях М. Веллера много особенностей, которые наиболее характерны для публицистического стиля, но используются достаточно широко и в стиле научно-популярном. Это прежде всего постоянный «диалог» с читателем (подача информации в форме риторических вопросов и ответов на них), использование разных способов и средств оценки излагаемого и элементов художественного стиля.

Приведем примеры апелляции к читателю в форме вопросов: *Ты хочешь подвигов, славы, власти? А осознать перед смертью, что прожил жизнь без счастья, хочешь? Сейчас, из малости твоего положения, тебе кажется, что это невозможно — по крайней мере для тебя было бы невозможно* (Веллер, 2006, с. 76); *Ну согрешишь, ну покаешься. Ну, в рай попадешь, ну, в ад попадешь. А что это по большому счету меняет?.. Все равно грешников кругом полно, все равно твоя жизнь по большому счету ничего не изменит; Добро со Злом боролись всегда. С чего вы взяли, что Добро должно победить? Да это диалектическая пара, единство противоположностей, одно и определяется через другое, отдохните от ваших абстракций* (Веллер, 2007, с. 13).

М. Веллер, как это характерно для публицистов, вообще стремится к тому, чтобы в той или иной форме присутствие читателя ощущалось как можно больше, например: *Подключаясь с внутренней готовностью и любовью к действиям убийцы, жертва — субъективно! — делает максимум того, что она еще может делать: она соучаствует в собственном убийстве! (Вот, вот что такое инстинктивное стремление к максимальным действиям, гражданин читатель.)* (Веллер, 2006, с. 359); *Если этот вариант проходит — такая ревность тоже целесообразна. Ты устранил препятствие к постоянному единению с партнером. Молодец, возьми себе с полки пирожок* (Веллер, 2006, с. 537); *Ибо в имеющемся устройстве Вселенной человеку принадлежит столь важная роль, что он «имеет полное право» считать себя если не хозяином Вселенной (Хозяин — это круто будет) — а все-таки чем-то вроде главного оперуполномоченного, главнее всех прочих на своей — видимой и достижимой — территории.*

Привет, начальники! (Веллер, 2007, с. 22).

Тексты М. Веллера, как это свойственно публицистам, не нейтральны. Он всегда находит возможность дать свою оценку тому, о чем идет речь, например: *Может, мало стараются неудачники? Хм. У одних все как-то хорошо получается само собой, а другие всю жизнь терзаются...* (Веллер, 2006, с. 31); *Дикарь, говорите? Ну-ну...* (Веллер, 2006, с. 55); *Это — положительное ощущение?! Гм. Да как бы выходит одновре-*

менно и отрицательное, и положительное. Такая штука (Веллер, 2006, с. 84); *Получается, братцы, что масса смешных, нелепых, условных вещей — связаны, однако, с базовыми ценностями существования человечества. Ух ты* (Веллер, 2006, с. 314); *Только человек — вот где будет младенец воспитан — станет, причем не только психологически, но отчасти даже физиологически (!) — (сырую рыбу переваривать, в снегу спать, на четвереньках скакать с невозможной скоростью) — тем животным, среди которых живет* (Веллер, 2007, с. 335).

В произведениях М. Веллера, как и в публицистике, и в научно-популярном стиле, проявляется отчетливая тенденция изобразительности. Приведем в качестве примеров сравнения и фразеологизмы, в том числе трансформированные: — *Добро и зло — как две стороны листа бумаги, как два полюса магнита; их не существует по отдельности, они всегда вместе. Как ум и глупость, как сила и слабость: мы сравниваем силу со слабостью и только так узнаем, что она сила* (Веллер, 2007, с. 301); *Он готов пахать как карла, что и делает* (Веллер, 2007, с. 360); *Вот и подворачивается порой черт знает кто* (Веллер, 2006, с. 515); *Главная часть собаки зарыта именно здесь* (Веллер, 2006, с. 596); *Именно здесь зарыта собака, свинья, и куча прочих домашних животных* (Веллер, 2006, с. 323); *Вот здесь и зарыты все свиньи, съедены все собаки и сломаны все копыя* (Веллер, 2006, с. 715).

В научном стиле образность, использование сравнений, метафор и других художественных средств возможно, но это носит вспомогательный характер, причем «образ в научной речи обычно схематизирован и обобщен, лишен тех индивидуально-неповторимых свойств-признаков, которые присущи ему в художественном произведении» [Кожина, 1993, с. 169–170].

Таким образом, у стиля анализируемых произведений М. Веллера много признаков научно-популярного стиля и стиля публицистического. Но от научно-популярного стиля, кроме того, что уже было отмечено, его отличает то обстоятельство, что «научно-популярная литература связывает специалистов и неспециалистов, вводя последних в мир науки, передавая им в доступной увлекательной форме наиболее важный, ценный и интересный научный материал» [Маевский, 1979, с. 6]. Содержание научно-популярной литературы — это достоверный, устоявшийся материал науки, а философская концепция, излагаемая М. Веллером, — абсолютно не традиционна, оригинальна, весьма дискуссионна, и это отражается на тех языковых приемах и средствах, которые использует автор. В них много эпатажного, рассчитанного на то, чтобы «зацепить» читателя, озадачить его, максимально воздействовать не только на его интеллектуальную сферу, но и, пожалуй, прежде всего на сферу эмоциональную. Своей ярко выраженной ориентировкой на «эффект новизны» во всем этот стиль сближается со стилем

публицистическим, но для публицистики характерна подчеркнутая документально-фактографическая точность [Кожина, 1993, с. 186–187], что не свойственно стилю произведений М. Веллера.

Стиль, которым написаны книги М. Веллера, носит синкретичный характер; в нем сочетаются особенности научного, научно-популярного и публицистического стилей. В результате такого синкретизма оказываются размытыми границы между стилями. Лингвисты отмечают, что эта тенденция обусловлена теми изменениями, которые произошли в общественной жизни страны. Так, Е.А. Земская по этому поводу в интервью корреспонденту газеты «Известия» сказала, что у людей «развязались языки, и это прекрасно. Прежде нормой был запрет, теперь — выбор». «Это что-то вроде “постмодерна” в языке. Инкрустация речи с помощью острых жаргонных слов. Интеллектуальное ерничество. По-научному — уничтожение межстилевых границ» [Максимова, 2000]. Сам М. Веллер неоднократно в своих книгах останавливается на том, каким тормозом для него была редакторская цензура. «В первый раз я кратко изложил свою теорию, — пишет он, — на 25 страницах летом 1981, дав рукописи заголовок “Линия отсчета”. Редактор категорически отверг ее включение в мою первую книгу прозы, “Хочу быть дворником”, готовившуюся тогда к изданию. Равным образом она была отвергнута всеми мне тогда известными редакциями — от “Нового мира” до “Химии и жизни”, всего десятка два отказов» (Веллер, 2006, с. 225). Цензура редакторов касалась не только содержания произведений, но и их стиля. «Советские редакторы старались исправлять любой текст, даже у блестящих писателей-стилистов»; «При этом редакторы отлично знали, что все шедевры мировой литературы созданы без всякой стилистической правки-редактуры». В своей деятельности редакторы находили смысл: «они “улучшали” литературу! Они обретали самоутверждение: ощущали себя умнее, грамотнее писателей. Реализовали свои возможности: штудировали словари и грамматики, прочеркивали рукописи вдоль и поперек, напрягали свои мозги и потели» (Веллер, 2007, с. 38).

Анализируемые в статье книги даны в авторской редакции (Веллер, 2006, с. 147; см. также на титульных листах: «Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика»). В результате этого у автора появилась возможность для нарушения сложившихся литературных норм, что обусловлено стремлением к максимальному воздействию на читателя. Нарушение эти весьма разнообразны, например: *Счастливая любовь да, бывает, но редко, зато говорят о ней много — так, в мире мало миллионеров, но много разговоров о них, и все хотели бы мультон* (Веллер, 2006, с. 535); *Чтобы никакому адъюту не пришло сейчас в голову...* (Веллер, 2006, с. 465); *Слушайте* (Веллер, 2006, с. 151); (Историк Тойнби) *определил действие ландшафта на цивилизацию метафорич-*

ческим выражением «Вызов-и-Ответ» (Веллер, 2006, с. 245); *Они не хотят!* (Веллер, 2007, с. 23); *А отросток вопит: зачем я нужен, в чем смысл моего существования, не может быть, чтобы я организму был ни за чем не нужен!!!!* (Веллер, 2006, с. 382); *Где, укажите нам, отчества отцы, которых мы должны принять за образцы????* (Веллер, 2006, с. 430).

Очень широко М. Веллером используется ненормативная лексика, например: *Перетраханый Кировым Мариинский театр... Вот и блядут...* (Веллер, 2006, с. 441); *Ах ты мелкая сука!..* (Веллер, 2006, с. 485); *Ан фиг. Кинозвезды лечатся от депрессии и глотают наркотики* (Веллер, 2007, с. 325); *Легко, просто и не хрен делать* (Веллер, 2007, с. 47).

Все эти нарушения нормы повышают уровень прагмалингвистического эффекта излагаемого и являются яркой иллюстрацией того, что в настоящее время очень активна тенденция размывания границ между литературным языком и нелитературными компонентами общена родного языка.

Оценивая ненормативную лексику, М. Веллер пишет, что «мат — это экспрессия. Матом человек выражает самые сильные ощущения, нормативная лексика уступает мату в энергичности; потому и существует эвфемизм “энергические выражения”» [Веллер, 2007, с. 329]. «Выматериться перестало быть экстраординарным выражением экстраординарных чувств — а так, вообще, выражение. В славном и глобальном американском английском вместо “скотина!”, или “чтоб ты сдох!”, или “черт тебя возьми” вошло в общем в языковую норму» матерное выражение. Это приводит к тому, что «когда ты убираешь перегородки запретов», происходит «снижение энергетике языка», «потому что слово, которое было для исключительных случаев, стало для обычных случаев, и сравнялось по употреблению со словами, которые раньше были гораздо более слабыми выражениями, чем табуированные». Сегодняшние снятия табу М. Веллер расценивает как «аспект упадка цивилизации» (Веллер, 2006, с. 317–319). Но тот факт, что и при таких взглядах, излагая свою философскую концепцию, он широко использует, наряду с другими отклонениями от нормы, которые призваны выполнять прагмалингвистическую функцию, и ненормативную лексику, со всей очевидностью свидетельствует о том, что тенденция размывания границ между кодифицированным литературным языком и языком нелитературным действует уже не только на периферии литературного языка, а затрагивает и его центр.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веллер М.* Все о жизни. М., 2006.
2. *Веллер М.* Смысл жизни. М., 2007.
3. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: Учеб. для студентов пед. ин-тов. М., 1993.
4. *Маевский Н.Н.* Особенности научно-популярного стиля: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1979.
5. *Максимова Э.* Праздник вербальной свободы // Известия. 2000. 21 апр.
6. *Москвин В.П.* Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006.
7. *Солганик Г.Я.* Практическая стилистика русского языка: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2006.